будет отрицать, что средневековая природа не существует независимо от Бога или от других «сверхъестественных» сущностей? Он будет отрицать, что Бог находился повсюду, в том числе и в мирском (как будто миряне не были «религиозными» людьми, о чем сам Апполонов торжественно сообщает)? Он будет утверждать, что мирской правитель был вне Бога, что он не получал свою власть, свой «меч» от Бога? Он будет утверждать, что экономическая деятельность велась вне Бога? Он будет отрицать, что «естественные законы» все равно отсылали к Богу? Лишь с появлением в поздней схоластике модерных концепций причинности, природы, политики, экономики и т.д. могло возникнуть «секулярное». Возможны разные генеалогии «секулярного» — через концепцию natura pura, через новые понимания причинности, через Дунса Скота с его концепцией унивокальности и т.д. Я не знаю, какая из генеалогий более правильная. Я лишь хотел показать сам факт такого перехода при вступлении в секулярную эпоху. Если Апполонов хочет сказать, что все было совсем не так — пусть докажет, проведет свое исследование и соотнесется с другими исследователями.

В статье «Расколдовывание дискурса» я никоим образом не претендовал на то, что мне удастся закрыть вопрос и разрешить все сложности (с тех пор я сам что-то переосмыслил и подкорректировал). Скорее, мне хотелось обозначить те проблемы, которые, на мой взгляд, самым прискорбным образом игнорировались как минимум в отечественной академической среде. Мне хотелось, прежде всего, разметить повестку исследований — как собственных, так и исследований тех, кто вместе со мной понимает важность тех проблем, которые возникают перед нами в постсекулярную эпоху.

* * *

В конце своей статьи Апполонов упоминает «идеологическую борьбу». Я не знаю, что он имеет в виду, но отмечу только одно — у меня нет никаких идеологических установок, кроме одной — поиск истины и готовность во имя этой истины деидеологизировать и деконструировать любые «священные коровы» (я вполне понимаю недовольство тех, кто этих «коров» доит). Надеюсь, в этой установке мы с Алексеем Апполоновым едины.

Апполонов А. В.

ЕЩЕ РАЗ О ТОМ ЖЕ

Дорогой Дмитрий!

Ваш ответ вызвал у меня глубокую печаль.

Это связано с тем, что наша дискуссия идет в совершенно разных плоскостях (ну, или как говорит Милбэнк, «пространствах»).

Вы, по Вашим же словам, работаете «с опорой на второисточники», а я — с опорой на первоисточники. Я в своей статье привел около пятиде-

сяти цитат из первоисточников, а Вы, отвечая мне, приводите только *одну* цитату из первоисточника, относящегося к Средневековью (и, то, замечу, она взята из моей же статьи).

Вероятно, именно поэтому самые убийственные Ваши аргументы, направленные против меня, звучат так: «Он что, всерьез считает западных ученых дураками?»; «Вообще, прежде чем критиковать таких ученых, как Милбанк, нужно их сначала хотя бы прочитать»; «Хайдеггер тоже ничего не понимает?».

Вы предложили мне ознакомиться со списком работ «участников дискуссии», чтобы мне, так сказать, просветиться и быть допущенным в Святая Святых «ученого мира». А я Вам готов на это ответь: да, меня эта дискуссия не интересует. Однако не в силу свойственного мне воинствующего невежества, а потому что ее участники (и Вы, и Милбэнк, и Кавано, и все остальные, *на кого Вы опираетесь*, конечно, но *не те*, кто попал в Ваш список «для веса») уже лет семьдесят переписывают один и тот же абзац из «Церковной догматики» Карла Барта. И *я прекрасно знаю этот абзац*, и дал ссылку на него в своей статье (№ 6). Полагаю, что Вам он неизвестен, поэтому приведу его здесь целиком: «Фома Аквинский говорит об общей (нравственной) добродетели *religio* и о специфической монашеской *religio*. Иногда он описывает объект теологии как *Christiana religio* или как *religio fidei*. Однако, делая это, он и не помышляет о христианской «религии». То, что мы называем этим словом, *как кажется* (курсив мой. — *А. А.*), не было известно тогда под этим именем. И понятие религии, как общее понятие, которое объемлет христианскую религию, как и все прочие, было совершенно чуждо Фоме. По существу эта проблема была поставлена в Раннем средневековье Клавдием Туринским, Иоанном Скотом Эригеной и Абеляром. Но она не имела, и не могла иметь, большого значения вплоть до Ренессанса»[1].

Между тем, Барт приписывал Фоме Аквинскому (и вообще Средневековью) свою собственную концепцию, согласно которой христианство не является религией, поскольку любая религия как таковая — это Unglaube (скорее «не-верие», чем просто «неверие»), а уникальность христианства в том, что благодать божественного Откровения «снимает» (aufheben) это «не-верие» и возносит христианство на такой уровень, когда его уже нельзя называть просто «религией» (процесс, который Барт уподобляет оправданию грешника, испорченная греховная природа которого получает новое и более высокое существование в благодати[2]).

Все это, конечно, очень интересно и занимательно, только непонятно, какое отношение оно имеет к науке. Издатели «The Cambridge Companion to Barth» совершенно справедливо определили такой подход как «*теологию* религии». И содержание его очень простое — христиане должны считать свою веру истинной и уникальной, а потому она не является такой же «религией», как все остальные. И «радикальные ортодоксы», как непосредственные наследники Барта, и Вы, Дмитрий, *каждый по своему*, конечно, занимаетесь одним и тем же: пытаетесь убедить научное сообщество в

[1] Barth K. Church Dogmatics. — Vol. 1.2. — N.Y., 1956. — P. 284.

[2] Ibid. — P. 325.

том, что вот это представление (христианская вера — это не просто религия (одна из многих), а сверхрелигия, или «изначальный католицизм», или «снятое благодатью Unglaube» и т. д. и т. п.) должно быть принято всеми остальными.

Вы спрашивали, что я имел в виду под «идеологической борьбой», которую, по моему мнению, ведут сторонники названной концепции. Ваш вопрос кажется мне странным. Как знаток вышеупомянутой «научной дискуссии», Вы должны, конечно, знать, что речь идет о борьбе «последних настоящих христиан» с Князем Тьмы и его подручными. «Религия — это поле деятельности Сатаны. Действия дьявола в его борьбе с Евангелием сделались совсем хитроумными, когда Христианство стало "христианской религией"», пишет Джеймс Фаулер в статье «Христианство это НЕ религия»[1]. Иэн Томас отмечает: «Это одно из самых хитроумных деяний Сатаны, которое заставляет человека отклоняться от Бога и заглушать Его голос в самой религиозной практике. Человек… сводит Бога к теологическим формулам, моральному кодексу, политической программе, театральному зрелищу в религиозных декорациях»[2]. Норман Олсон: «Сатана использует религию и идею "добрых дел" для того, чтобы люди не могли понять, что таковое не может быть спасительным и не имеет ничего от духовности… Любая религиозная система по природе является сатанинской, неважно, насколько красиво выглядит ее обертка»[3]. Дэйв Хант: «Главная тактика Сатаны в противостоянии с Богом — не грубый атеизм, а религия. Извращенное «христианство» — вот главнейшее оружие Сатаны»[4]. Короче говоря, «если мы хотим правильно понять религию, мы должны вскрыть ее сатанинские источники и постичь духовный конфликт, который имеет место между Богом и Сатаной в Христианстве и религии»[5].

Но я, как ученый, не считаю необходимым для «правильного понимания религии» постигать «духовный конфликт между Богом и Сатаной». И поэтому, Дмитрий, у нас разные традиции. Ваша, Дмитрий, традиция — чисто теологическая: ссылки на «достославнейших мужей», перед авторитетом которых все должны преклонять колени (что смешно, конечно, если принять Ваше описание себя как человека, который «не имеет никаких идеологических установок, кроме одной — поиска истины и готовности во имя этой истины деидеологизировать и деконструировать любые "священные коровы"»). Моя традиция — это ссылки на первоисточники и работа с ними.

Именно из-за разности наших подходов дискуссия между нами имеет какой-то ненормальный характер.

Вот ярчайший пример. Я привожу слова Августина о том, что «в мире существуют три религии (tres religiones), а именно, иудейская, христи-

---

[1] Christianity is not Religion. URL: http://www.christinyou.net/pages/Xnotrel.html (дата обращения: 15.10.2011)

[2] Thomas W. I The Mystery of Godliness. — Grand Rapids: Zondervan Pub. 1964. — P. 42.

[3] Olson N. Good News Broadcaster. — July/Aug 1982. — P. 36-37.

[4] Hunt D. "The Berean Call" newsletter. — S.l., October 1993.

[5] Christianity is not Religion. URL: http://www.christinyou.net/pages/Xnotrel.html (дата обращения: 15.10.2011)

анская и языческая», или слова Иоанна Солсберийского о «представителях католической религии (viri religionis Catholicae)» и «представителях еретической или суеверной религии (homines haereticae et superstitiosae religionis»).

А Вы отвечаете на это: «*religio* не была универсальный родовым понятием, а христианство не было его особым видом». И даете ссылку на Кавано (на самом деле — на Барта).

А потом продолжаете: «В Средние века есть только одна истинная *religio*... Все остальные религии, если в отношении них, вообще, используется слово *religio*, оказываются ложными».

Т.е. Вы признаете, что по отношению к нехристианским религиям в Средние века использовался термин *religio*, но при этом он у Вас почему-то не может быть «универсальным родовым понятием». Почему не может-то? Потому что Кавано (Барт) так сказал? Или потому что средневековые христиане не считали другие религии истинными? Ну, давайте тогда отрицать, что несъедобные грибы являются грибами — на том основании, что они несъедобны. «Это не гриб, а мерзость какая-то». И вообще — Вы видели где-нибудь христиан, которые считали бы свою религию ложной? Или хотя бы равной, в своей истинности, другим религиям? Нынешний Папа Римский, он, по-вашему, считает, что буддизм — это истинная религия, и что все буддисты спасутся?

И так во всем, за исключением некоторых моментов, о которых я особо скажу ниже. Ответить на всю эту Вашу, с позволения сказать, «критику», которая заключается просто в воспроизведении Ваших же старых тезисов, явно противоречащих первоисточникам, значило бы переписать статью заново. Чего я, понятно, делать не собираюсь.

Впрочем, перейду к замечаниям по существу. Их будет немного.

Первое. Вот Вы, Дмитрий, пишите: «Если первая часть статьи Апполонова, посвященная «религии», показалась мне содержательной и полезной, то вторая часть, посвященная понятию «секулярного», просто одиозна. У меня даже нет желания особо комментировать то, что было там написано. Он что, всерьез считает западных ученых дураками? Вообще, прежде чем критиковать таких ученых, как Милбанк, нужно их сначала хотя бы прочитать».

Да ведь читал, в том числе, в Вашем переводе. И вот, в Вашем переводе сказано: «Было время, когда никакого “светского” (секулярного) не существовало. И светское не было чем-то латентным, ждущим своего часа, чтобы в тот момент, когда сакральное ослабило свою хватку, заполнить все больше пространства паром “чисто человеческого”. Вместо этого существовало единое пространство христианского мира с его двойным измерением *sacerdotium* (священство) и *regnum* (царство). *Saeculum* же в Средние века было не пространством и не сферой, но временем — интервалом между падением и эсхатоном»[1]. Вот так вот, «светские» (saeculares) власти были, «светские» (saeculares) лица были, «светское» (saecularis) имущество было, а «светского» (секулярного) не было. Было только некое время, которое и называется «saeculum». А почему тогда «светские» (saeculares) лица отли-

[1] Милбанк Д. Политическая теология и новая наука политики // Логос. — №4 (67) (2008). — С. 33.

чались от «духовных» (spirituales)? Или духовные лица жили вне времени, или, с позволения сказать, «интервала между падением и эсхатоном»?

И вот, Дмитрий, видя, что получается какая-то ерунда, Вы начинаете поправляться: «Единственная моя оплошность — это то, что я употребляю в статье термин “светский”, тогда как гораздо правильней в данном контексте было бы использовать слово “секулярный”. Понятия “светскость” и “светское” лучше оставить правоведам».

И смотрите, что у Вас имеется в итоге: «Я повторю свой тезис еще раз: речь не идет о том, что в Средневековье понятий “религиозное” и “секулярное” не было (так было, значит? А как же вышеприведенные слова Милбэнка о том, что не было? — *А.А.*)… Мой тезис абсолютно аналогичен тому, что выдвигался в случае с “религией” — “секулярного” *в современном смысле* (курсив мой. — *А. А.*) в Средние века не существовало».

Т. е. светское уже как бы и не светское (и вообще, ну его к правоведам, от греха подальше), а *saeculum* уже как бы и не время, а «секулярное», но это не то «секулярное», которое мы имеем теперь. А что у нас с «секулярным» в современном смысле этого слова? А раньше Вы писали, что оно «не так очевидно, просто и уж точно не так естественно и прозрачно»[1], в общем, Бог знает, что.

Ну да ладно. Теперь, — но, замечу, *только теперь* — в своем ответе, Вы вроде бы пояснили, что же такое «секулярное» *в современном смысле слова*: «В процессе возникновения “секулярного” *в его современном понимании* (курсив мой. — *А. А.*) происходит отсоединение имманентного порядка мира от своего трансцендентного источника, перестающего быть источником дара бытия. Возникает “секулярная”, автономная, самодостаточная онтология, которая дополняется такой же “секулярной” эпистемологией, то есть представлением о том, что этот самодостаточный порядок бытия может быть постигнут естественным светом разума, являющимся его частью, без каких-либо апелляций к вере и откровению: “секулярное” существует автономно, а значит и мыслить его можно минуя Бога».

Это, я надеюсь, Ваше окончательное определение «секулярного в современном смысле слова», и Вы уже больше не будете подменять тезисы по ходу дискуссии.

А вот некоторые положения, которые были осуждены в 1277 г. (полагаю, это вполне средневековый год) в Париже Епископом Тампье. «Не следует верить ни во что, кроме того, что очевидно само по себе, или может быть доказано на основании такового» (тезис 37), «Физик должен безусловно отрицать новизну мира [т. е. творение], поскольку основывается на естественных причинах и аргументах» (тезис 184); «Будущее воскресение не должно признаваться философом, поскольку его невозможно исследовать разумом» (тезис 18); «Все благо, которое возможно для человека, заключается в интеллектуальных добродетелях» (тезис 144); «Христианское Откровение является препятствием учености» (тезис 175); «Знание теологии никому не прибавляет знаний ни на йоту» (тезис 153); «Теология зиждется на выдумках (fabulae)» (тезис 152). И подобного рода положений в названном документе более сотни. Эти положения распространялись в

[1] Милбанк Д. Политическая теология и новая наука политики. — С. 151.

интеллектуальной среде с 50-х гг., с ними полемизировали Альберт Великий, Фома Аквинский и Бонавентура, они неоднократно осуждались церковными властями (парижское Осуждение 1277 г. наиболее полное, так сказать, суммирующее).

Необходимы ли комментарии? Хорошо. В середине самого что ни на есть средневекового XIII в. некоторому числу профессоров Парижского университета (крупнейшего на тот момент учебного заведения христианского мира) показалось, что «самодостаточный порядок бытия может быть постигнут естественным светом разума, являющимся его частью, без каких-либо апелляций к вере». Именно так, *практически дословно*: «Нет такого вопроса, имеющего рациональное решение, который не должен был бы ставиться и решаться философом, поскольку *рациональные аргументы берутся от вещей*, но философия, сообразно различным своим частям, *должна рассматривать все вещи*» (тезис 145). Когда говорится, что физик должен основываться на естественных причинах и аргументах, *и отрицать догматы католической религии*, то «возникает "секулярная", автономная, самодостаточная онтология», которая, да, «дополняется такой же "секулярной" эпистемологией», то есть представлением о том, что «не следует верить ни во что, кроме того, что очевидно само по себе и т. д. (см. выше)».

А вот еще Ваши слова, Дмитрий: «Как раз тем новым, что принесло с собой Новое время, и было замыкание "религии" в некое обособленное пространство, которое еще к тому же, с точки зрения БСЭ, имеет сомнительные эпистемологические основания — "вера в сверхъестественное" (естественно, противоположная научному познанию естественного)».

Вы, наверное, полагаете, что это только БСЭ додумалась до того, чтобы противопоставлять «вере в сверхъестественное» «научное познание естественного»? Да нет же. Даже такой вполне ортодоксальный средневековый автор, как Альберт Великий, подчеркивая независимость натурфилософии от теологии, писал: «В данном случае я не интересуюсь чудесами Божьими, поскольку рассуждаю о естественных вещах» (*De gen. et corr.*, I, I, tr. 1, c. 22). Его идею почти слово в слово воспроизводит Сигер Брабантский: «Нас в данном случае не волнуют чудеса Божьи, поскольку о естественном (de naturalibus) мы рассуждаем исходя из естественного (naturaliter)» (*De an. intell.*, 3). А вот следующий шаг: по мнению Боэция Дакийского, искать рациональные обоснования догматам веры — бессмысленное занятие, поскольку философия «опирается на доказательства (demonstratio) и достоверные возможностные умозаключения… а вера — на многочисленные чудеса, а не на умозаключения (ибо то, чего придерживаются на том основании, что оно выведено посредством умозаключений, является не верой, но знанием)»[1], а «вера не есть знание»[2]. Но именно философия исследует все сущее, *и именно она* должна его исследовать, а потому претензии некоторых теологов на то, что существует некий класс проблем, которые, хотя и имеют рациональное решение, должны рассматриваться не философами, но теологами, безосновательны: «Те, кто следует обще-

[1] Боэций Дакийский. Сочинения. — М., 2001. — С. 171-173.

[2] Там же. — С. 233.

принятому мнению, утверждают, что существуют вопросы рационального характера, которые не относятся к ведению философа… но те, кто говорит такое, утверждают ложь»[1]. За теологией остаются только «чудеса Божьи», все остальное исследуется «естественным разумом» так, как если бы Откровения никогда не было (хотя оно, как таковое не специально не отрицается — оно просто неинтересно).

И вот Вам типичная, по Вашим же словам, нововременная ситуация: религия «замкнута в некое обособленное пространство, которое еще к тому же… имеет сомнительные эпистемологические основания». Почему сомнительные — да потому что, как иронично писал Жан Жаденский, «следует добавить, что акт творения случается очень редко; до сих пор имел место только один такой акт творения, и произошло это очень давно». Ни один философ никогда не мог бы придумать ничего подобного, «и это не удивительно, ибо невозможно прийти к идее творения просто из наблюдения эмпирических фактов, равно как нельзя подтвердить ее аргументами, позаимствованными из чувственного опыта. И вот почему древним, которые черпали свое знание из рациональных аргументов, подтвержденных чувственным опытом, никогда не удавалось вообразить подобный способ создания чего-либо»[2].

Вам необходима *natura pura* — так вот она. Вам необходимо «современное понимание секулярного» — так вот оно, почти Вашими словами, со всеми «замыканиями в особое пространство» и прочим. Это как раз то самое «светское», которое, вопреки Милбэнку, именно что «было чем-то латентным, ждущим своего часа, чтобы в тот момент, когда сакральное ослабило свою хватку, заполнить все больше пространства паром “чисто человеческого”».

Дмитрий, Вы говорите мне: «Пусть Апполонов докажет обратное… Если Апполонов хочет сказать, что все было совсем не так — пусть докажет, пусть проведет свое исследование и соотнесется с другими исследователями».

Я уже провел такое исследование. Его недавно переиздали, и Вы можете с ним ознакомиться: Апполонов А. В. «Латинский аверроизм XIII в.», М. УРСС, 2011. И да, я соотносился с другими исследователями. Только не с Милбэнком, который, уж извините, как ученый мне совершенно неинтересен, а с издателем текстов, блестящим историком Полем Мандонне (первым издателем Сигера Брабантского), который сказал как-то, применительно к творчеству Боэция Дакийского: «Это рационализм самый чистый, явный и решительный, какой только можно представить... рационализм Ренессанса с его разжиженными мыслью и языком не создал, насколько я могу судить, ничего подобного»[3].

Это было первое. Теперь второе.

Вот Вы обращаетесь ко мне с гневными словами: «Он [я, то есть. — *А. А.*] что, будет отрицать, что средневековая природа не существует независимо от Бога или от других “сверхъестественных” сущностей? Он будет

[1] Boeth. de Dacia, *Comm. in Phys.*, I, q. 2a — 2b.

[2] Цит. по: Жильсон Э. Разум и откровение в средние века. — Киев, 1992.

[3] Mandonnet P. Note complémentaire sur Boèce de Dacie// Revue des sciences philosophiques et théologiques. — 22 (1933) — P. 246-250.

отрицать, что Бог находился повсюду, в том числе и в мирском (как будто миряне не были "религиозными" людьми, о чем сам Апполонов торжественно сообщает)? Он будет утверждать, что мирской правитель был вне Бога, что он не получал свою власть, свой "меч" от Бога? Он будет утверждать, что экономическая деятельность велась вне Бога? Он будет отрицать, что "естественные законы" все равно отсылали к Богу?».

Нет, он, т.е. я, не буду отрицать. Но понимаете, Дмитрий, в чем проблема: это абсолютно ни о чем не говорит. Вы описали тут не какую-то специфически средневековую ситуацию, а то, что называется «теизмом». А теизм был до Средних веков, был после, и даже сейчас есть. Возьмите Джона Локка, который, насколько я понимаю, является для Вас одним из творцов Нового времени.

И вот, навскидку: «Мы можем знать достоверно, что Бог есть»; «Это вечное существо должно быть наиболее могущественным. Далее, ясно, что все получившее от другого свое бытие и начало должно было получить от другого и все то, что есть в нем и относится к его бытию. Из того же самого источника должны быть получены и все его силы. Итак, *этот вечный источник всякого бытия* [вот это я особо хотел бы подчеркнуть, а то Вы любите писать о том, что в Новое время бытие отделилось от своего источника. — *А. А.*] *должен быть также источником и началом всякой силы*»; «Все другие познающие существа, которые имеют начало, должны *зависеть от Бога и обладают лишь такими путями познания и такой силой, которые Он дает им*. Так, если Он создал мыслящие существа, то Он создал и менее совершенные части вселенной, все неодушевленные предметы. Отсюда устанавливаются и *вытекают с необходимостью Его всеведение, могущество, провидение и все другие его атрибуты*»[1]; «Вера основывается на свидетельстве Бога, Который не может лгать»[2]; «Но, даровав нам свет разума, Бог не лишил себя возможности, когда сочтет нужным, сообщать нам свет откровения по тем вопросам, в которых наши естественные способности могут дать нам лишь вероятное решение»[3]; «Вся та власть, которой все остальные законодатели обладают по отношению к другим, право законодательства и принуждения к повиновению, *получены только от Бога*, и мы обязаны подчиняться им потому, что так желает Бог и так повелевает нам, и, следовательно, повинуясь им, мы повинуемся также и Богу»[4], «Мы знаем, что Бог не оставил одного человека на милость другого, чтобы тот мог уморить его голодом, если бы захотел. Бог, господин и отец всех, ни одному из своих детей не дал такой вот собственности в виде его особой доли богатств нашего мира, но предоставил такую, чтобы тот передал своему нуждающемуся брату право на излишек своего имущества… Для любого состоятельного человека всегда *будет грехом* допустить, чтобы его брат погиб из-за того, что он не захотел предоставить ему помощь от своего изобилия»[5]. И еще свыше сотни подобных высказываний, которые приводить, полагаю, нет никакой необходимости.

---

[1] Локк Дж. Сочинения в 3 томах. — Т. 2. — М, 1985. — С. 97-103

[2] Там же. — С. 172

[3] Там же. — С. 174

[4] Там же. — С. 39

[5] Там же. — С. 169

К слову, замечу, что английская королева и сейчас получает власть от Бога, а британский гимн начинается со слов «God save the Queen».

И что Вы на это ответите? То, что в Средние века теистов было больше, чем атеистов, деистов и пантеистов? А в Новое время теистов, вероятно, стало меньше, хотя все равно их было больше, чем атеистов, деистов и пантеистов? Но это, извините, плоская банальность; стоит ли из-за этого огород городить?

Это было второе. Теперь третье.

Вы, Дмитрий, задаете мне вопрос: «Но какова позиция Алексея, я так и не понял — он хочет сказать, что ничего не изменилось при переходе от Средневековья к Новому времени? Если изменение заключалось не в том, на что указывал я или те авторы, на которых я опирался, а в чем-то другом, то хотелось бы понять, в чем именно. Молчание Апполонова по этому поводу выглядит странно».

Я вообще-то писал о «секулярном» и о «религии» в Средние века, а не о том, что изменилось при переходе от Средневековья к Новому времени. Так что ничего странного в моем молчании нет — это разные темы.

Но уж если Вам угодно, я скажу, что изменилось. Начиная с X в. в Европе шел постоянный хозяйственный подъем. Короли и властители помельче постепенно богатели. Их, понятно, не устраивало, что Католическая Церковь постоянно вмешивается в их дела; поэтому, как только было собрано достаточно сил и средств, они лишили Католическую Церковь светской власти (или вообще изгнали ее из своих владений), произведя изъятие в свою пользу большей части церковной собственности. Этот процесс начался с низложения Генрихом IV папы Григория VII и завершился победой европейского абсолютизма.

Идеологическим измерением этого материального процесса была постепенная замена римским правом церковного (начиная где-то с XIII в.). Помимо прочего, светское право было необходимо в условиях смены натурального хозяйства на денежное, поскольку церковное право препятствовало развитию института банковского кредита и, соответственно, торговли. На этой почве происходило сближение городской торговой протобуржуазии с королевской властью, что сыграло важную роль в последующей реформации и / или секуляризации церковной собственности.

Другим важным процессом, отчасти пересекавшимся с этим, было становление и развитие чисто светской науки и философии, о чем я уже писал выше. Это развитие началось в XII в., с «переоткрытия» текстов Аристотеля и перевода на латынь работ арабских философов (едва ли не самым важным здесь было творчество Аверроэса, который, напомню, считал Коран символическим (а потому — ущербным) изложением философии Аристотеля). Нельзя сказать, что поначалу эти «свободомыслящие» философы интересовали кого-то, кроме церковных властей, которые их преследовали и запрещали; однако уже в конце XIII в. возник т.н. «политический аверроизм», представители которого (такие, как Жан Жаденский и Марсилий Падуанский) выступили на стороне Людвига Баварского в его борьбе с папством.

Наконец, в этой картине был еще один момент — разного рода ереси, которые, в конце концов, также стали использоваться светскими властями

в борьбе против Римской Церкви (хотя изначально светские власти, пока они были слабы, наоборот, выступали против еретиков на стороне католицизма) и в качестве *одного из* инструментов создания национальных государств (наиболее показателен здесь случай Голландии).

Так вот, что собственно изменилось: Католическая Церковь практически повсеместно была лишена имущества и, соответственно, светской власти; национальные Церкви, там, где они возникли, также были подчинены светским властям; светское право почти полностью вытеснило церковное; укрепилась — в противоположность схоластике — эмпирическая светская наука; возник (и кое-где занял господствующее положение) торговый капитализм; сложились (не везде, правда) национальные государства, управляемые, опять-таки, светскими правителями.

Вот сколько всего произошло. Банально, может быть? Ну, может.

Но вот то, что Вы (вернее, Кавано) пишете, что главным изменением является то, что в Новое время религия «отождествляется с сугубо внутренним, приватным импульсом; религия начинает рассматриваться как нечто отличное от таких секулярных занятий, как политика, экономика и тому подобное», так это, извините, нонсенс. Как она могла быть «личным делом каждого», если едва ли не в половине крупных европейских государств возникли *национальные* Церкви? Английские католики получили гражданские права лишь в 30-гг. XIX в.; еще позже (в 50-х гг.) их получили шведские католики; Бисмарк проводил политику «Культуркампфа» в 70-х гг.; в большинстве европейских стран Церковь была отделена от государства только в XX в. (в Швеции — так вообще в 2000 г.). Чем принципиально избиение гугенотов в Варфоломеевскую ночь отличается от избиения альбигойцев в XIII в.? Чем изгнание пуритан из «веротерпимой» протестантской Англии принципиально отличается от изгнания евреев из «отсталой» католической Испании?

Я не понимаю, зачем с таким усердием проповедовать очевидно нелепые и абсурдные вещи. Вы пишете, что «невозможно вычленить из христианского универсума Средневековья “религию” как обособленную сферу, отличную от политики или экономики». Ладно, пусть невозможно (хотя это совсем не очевидно). Но, если говорить про экономику, Вы не слышали никогда о теории, согласно которой протестантизм куда теснее связан с экономикой, чем католицизм? Макс Вебер исписал гору бумаги, чтобы это доказать. Вот, например, он писал об Америке начала XX (!) века: «Преуспевали в деловом отношении те (как правило, *только* те), кто принадлежал к методистской, баптистской или к какой-либо иной *секте* (или к близким им по типу ассоциациям). Если член секты перебирался в другое место или занимал должность торгового агента, он брал с собой *certificate* своей общины, что обеспечивало ему не только поддержку членов его секты, но и, что более важно, повсеместный кредит»[1].

Или, если говорить о политике, то в чем заключалась политика в Средние века? Политические партии для Средневековья — это небольшие по численности группировки, образованные обычно по родственному принципу или по принципу феодальной зависимости. Какое ко всему этому

[1] Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М., 2006. — С. 276.

имеет отношение религия? Такое, что все члены партий были христианами? Так ведь партии строились не по религиозному принципу и без оглядки на религию — или вы думаете, что были какие-то специальные христианские наставления по партийному строительству? Религия проникала в политику, пожалуй, только тогда, когда очередной король пытался в очередной раз изъять церковную собственность; и тогда появлялись партии сторонников и противников папы, которые, да, в силу своих сил и способностей использовали Библию и церковные каноны для оправдания своей позиции. Но, как бы то ни было, именно с наступлением Нового времени возникают реальные *массовые* политические партии, члены которых объединены именно *религиозными воззрениями*. Посмотрите хотя бы историю английской революции (когда в Парламенте регулярно ставился вопрос, кто и кого может не допускать к причастию) или историю «Культуркампфа».

На этом, собственно, все.